

ПУТЬ ПУШКИНА

Сказать о Пушкине, что он первый среди русских писателей, — значит не сказать ничего. Сразу заняв центральное место на русском Парнасе, он уже для современников приобрел значение национального символа — и до сих пор не уступил это единственное место никому. Он стал не только «солнцем нашей поэзии» (В. Ф. Одоевский), но и «солнечным центром нашей истории» (И. А. Ильин), фокусом национального сознания. Объяснить и понять это тем более трудно, что Пушкин был только художником, он, по словам Гоголя, «дан был миру на то, чтобы доказать собою, что такое сам поэт», «что такое в существе своем поэт». И во всем и до конца жизни оставаясь поэтом, он именно в этом качестве далеко вышел за рамки литературы, и саму литературу далеко вывел за ее рамки, закрепив надолго царственный статус слова в русской культуре.

Не секрет, что за пределами России Пушкина по-настоящему не признают и в общем не понимают. При переводе, даже самом тонком

и точном, на другие языки он слишком многое теряет — уходит особая пушкинская глубина слова и стиха, с мерцанием бесконечных смыслов и перекатами интонационных волн. Что не переводится — это и есть Пушкин. Все дело в том, что Пушкин — это прежде всего явление русского языка, с которым непонятно: то ли Пушкин его формировал, то ли он дал нам Пушкина, это апофеоз русского языка, а вместе с ним и того национального склада, который в языке заключен. Россия нашла себя в Пушкине, и вспышка его гения совпала с золотым веком ее культурного развития.

При этом Пушкин — первый европеец в русской литературе. Не в смысле влияний, которые он перерастал мгновенно, а в смысле поразительной свободы, с которой он вошел в единое пространство мировой литературы, где чувствовал себя как дома. Никогда не быв за границей, он в творчестве стал подлинным гражданином мира, легко осваивая языки различных национальных культур и эпох — осваивая их в русском слове, он и русскую литературу выводил на мировую дорогу.

Шекспироведы уже полтора века спорят о том, кто, собственно, написал пьесы Шекспира, был ли их автором скромный актер родом из Стрэтфорда, или мы имеем дело с великой мистификацией. О Пушкине такой спор невозмо-

жен, и не только потому, что он к нам ближе и жизнь его документирована несравнимо лучше. Главное, потому, что он предстает нам как живая личность, не отделимая от сочинений, в которых эта личность выразилась со всей полнотой. И этот близкий нам человек прошел за свои 37 лет головокружительный путь и оставил уникальный опыт, который можно воспринять, изучая в единстве жизнь и слово Пушкина.

Александр Пушкин родился 26 мая 1799 года в Москве в семье Сергея Львовича Пушкина и Надежды Осиповны Пушкиной, урожденной Ганнибал. Свой род он вел от прусского выходца Радши, попавшего в Россию во времена Александра Невского — от него пошли ветви знатных дворянских фамилий, среди которых были и Пушкины, сыгравшие заметную роль в русской истории. С другой стороны были Ганнибалы, происходившие от сына абиссинского князя, вывезенного мальчиком из Африки; воспитанник и любимец Петра I, он вошел в силу при Елизавете, а дети его породнились с древними русскими родами. Пушкин всегда чувствовал за собой этот родовой многовековой шлейф и оглядывался на него, считая «уважение к мертвым прадедам» основой личного достоинства дворянина.

Семья Пушкиных была не чужда литературным интересам. В доме бывали В. А. Жуковский, Н. М. Карамзин (малолетний Александр, по воспоминаниям отца, «вслушивался в его разговоры и не спускал с него глаз»), дядя Василий Львович был известным поэтом — все это с детства вовлекло Пушкина в мир современной словесности, но подлинное его рождение как поэта произошло в Царскосельском Лицее, куда он был определен в 1811 году и где провел в кругу близких, любимых друзей шесть лет, которые впоследствии вспоминались и воспринимались как самые счастливые в жизни.

Юный Пушкин воспитывался «среди святых воспоминаний», военных памятников Царского Села, в непосредственной близости ко двору — и чувствовал себя в эпицентре всей европейской истории: «Чему, чему свидетели мы были! / Игралища таинственной игры, / Метались смущенные народы; / И высились и падали цари...» Его историческое и патриотическое сознание сформировалось как будто враз, в те дни, когда мимо лицейских стен «текла за ратью рать» — на войну с Наполеоном. В 15 лет в Царскосельском парке он вспоминает звонкими стихами века русской славы, данной ему здесь в наследство. Эти стихи — «Воспоминания в Царском Селе», — про-

читанные 8 января 1815 года на лицейском экзамене в присутствии восхищенного Державина, сделали его знаменитым.

Там же, в Лицее, при всей неровности того образования, Пушкину открылась не только история, но и вся европейская культура, хоть и усвоенная зачастую по вторичным источникам. «Читал охотно Апулея, / А Цицерона не читал», — вспоминал он о лицейском времени в «Евгении Онегине». Но мы-то знаем, что читал, — и не только Цицерона, но и Канта, и Сенеку с Тацитом («Под стол ученых дураков!» — сказано о них в лицейском стихотворении «Пирующие студенты»), не говоря уж о художественной литературе, древней и новой. Именно в Лицее, благодаря его гуманитарной ориентации и некоторым европейски образованным профессорам (А. П. Куницын, А. И. Галич), этот мир мировой культуры открылся перед ним, лег к его ногам.

Пушкина родила молодая Россия, только что победившая Наполеона, — бодрая страна, уже не только прорубившая окно, но и распахнувшая дверь в Европу, страна, в которой кипела энергия преобразований, давшая реформатора М. М. Сперанского, а потом декабристов. На этой энергической волне возрел и Пушкин, увлекшийся после Лицея политикой и ловивший новые соци-

альные идеи. Но он был прежде всего поэт, и под его пером эти различные идеи, иногда противоречившие друг другу, получали такую публичную поэтическую силу, о какой могли только мечтать породившие эти идеи радикальные умы.

За это он и угодил в ссылку — в мае 1820 года был переведен по министерству иностранных дел, в котором формально числился на службе, в Кишинев, в канцелярию генерала И. Н. Инзова. Это было его первое большое путешествие по Российской империи, по Кавказу и Крыму, давшее целую гроздь так называемых «южных поэм» — «Кавказский пленник», «Братья-разбойники», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы». С Юга же начинается и полноводная пушкинская лирика со всем ее тематическим разнообразием, отражающим разнообразие и широту его стремительно развивающейся личности. Он по-прежнему увлечен освободительными идеями, в особое возбуждение его приводит греческое восстание против турецкого владычества, и он мечтает, вырвавшись из ссылки, участвовать в этой революции и, может быть, погибнуть, как погиб впоследствии Байрон, за свободу греков. Жизнь он ведет не ссылочную, бурную, с любовными увлечениями, дуэлями, побегам в цыганский табор, поездками по Бессарабии, в Одессу и к декабристам в Каменку. Тем

временем слава его растет — после выхода в свет поэмы «Руслан и Людмила» (1820), вызвавшей бурю споров, от него ждали новых свершений, и дождались: в начале сентября 1822 года выходит из печати «Кавказский пленник» — поэма, которую Пушкин больше года не решался выдать публике, будучи не вполне ею доволен. В. П. Горчакову в ответ на его замечания он писал осенью 1822 года: «Характер Пленника неудачен; доказывает это, что я не гожусь в герои романтического стихотворения. Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи 19-го века».

Описанный здесь Пушкиным условный байронический комплекс был воспринят им еще в лицейские годы и тогда же дал свои плоды в лирике, но не затронул основ его душевной жизни. И вдруг теперь, среди кишиневского рассеяния, а затем и позже, в 1823 году в Одессе, из-под пера его выходят стихи, в которых уже без всякой литературности и условности выражено действительное, не выдуманное, глубокое, тотальное разочарование во всем, что прежде составляло основу существования: «Разоблачив пленительный кумир, / Я вижу призрак безобразный...» Пушкин как будто на лету преткнулся о грозные вопросы

об истинной ценности жизни и о ее границах — простираются ли они за границы земного, или там, за гробом, ждет человека «ничтожество», небытие: «Как, ничего! Ни мысль, ни первая любовь! / Мне страшно!..» Тут же следует и разочарование в освободительных идеях, вести о поражении революционных движений в Европе вызывают лишь усталый скепсис: «В порабощенные бразды / Бросал живительное семя — / Но потерял я только время, / Благие мысли и труды..» От бурнокипящей внешней жизни, в которую он так был вовлечен и которая разом померкла для него, он впервые всерьез обратился к экзистенциальным проблемам, остановился перед ними.

В Одессе, куда Пушкин переехал в середине 1823 года, он переживает сильное увлечение женой бессарабского наместника Елизаветой Воронцовой. След этой любви на несколько лет останется в пушкинской лирике, а следствием ее станет конфликт с мужем, который, пользуясь поводом, добивается в июле 1824 года удаления соперника из Одессы. В Одессе же в мае 1823 года Пушкин начинает главное свое произведение — лирический роман «Евгений Онегин», роман, который будет сопровождать его больше семи лет и вместе с ним развиваться, роман непривычной для русского читателя формы, но с такими уз-

наваемыми героями, которых социологическая критика окрестила потом «типическими характерами в типических обстоятельствах», которые и были такими «типическими характерами» и при этом отражали разные стороны и фазисы душевного развития автора. Этот свободный, живой, текучий, подвижный роман вместил в себя так много, что, кажется, предсказал весь дальнейший ход русской жизни. Но для самого Пушкина это был прежде всего роман его души и его путь к человеческой зрелости.

Первые две главы «Онегина» пишутся в Одессе, здесь же начата и третья, завершенная уже в Михайловском, в уединении фамильной усадьбы, где Пушкину суждено было провести безвылазно два с лишним долгих года. За это время, помимо лирики, написаны «Цыганы», начатые в Одессе, «Подражания Корану», «Граф Нулин», четвертая глава «Онегина», «Борис Годунов» — но дело не в количестве сочинений, были у Пушкина периоды и более плодоносные. Вынужденное уединение, которым он с непривычки очень тяготился, оказалось для него не просто благотворным, но и спасительным. Через десять лет приехав в Михайловское и вспоминая годы ссылки, именно так он осмыслил свое тогдашнее затворничество: «...Я еще / Был молод, но уже судьба и страсти /

Меня борьбой неравной истомили <...> Но здесь меня таинственным щитом / Святое Провиденье осенило, / Поэзия, как ангел утешитель, / Спасла меня, и я воскрес душой». В этих строках, не вошедших по своей интимности в беловую редакцию стихотворения «Вновь я посетил...» (1835), сформулирован может быть главный итог михайловского сидения — непосредственное ощущение Провидения, связанного с поэтическим даром.

Пушкин вел в Михайловском насыщенную и сложную жизнь. На поверхности было томление одиночеством, планы побега за границу, увлечения соседскими барышнями — а на глубине шла грандиозная работа, духовная и творческая. Он как никогда много читал: Библию и Шекспира, Четыи Минеи и Вальтер Скотта, и в особенности историков — древних и современных. Углубленные занятия историей, которые Пушкин не оставлял до конца своих дней, начались именно здесь, в Михайловском, — их результаты сказались прежде всего в трагедии «Борис Годунов», в которой верховная власть держится закономерным ходом событий, «силою вещей», а волюнтаристское ее присвоение не находит исторических и нравственных оправданий. Стремление проникнуть в механизмы истории постепенно приводит Пушкина к историческому провиденциализму.

лизму, на фоне которого попытки насильственно сменить форму правления выглядят по меньшей мере исторически безответственно. Это был важный мировоззренческий прорыв, и он напрямую коснулся его личного самосознания. В Михайловском Пушкин, молодой еще человек, ощущает потребность осмыслить прожитые годы: он систематически работает над своими воспоминаниями и доводит эту работу до белой рукописи. Записки эти, бывшие едва ли не главным михайловским делом, сожжены им в горячую минуту — но душевный труд, на них затраченный, не пропал втуне: с Михайловского созревало и все больше укреплялось в нем ощущение, что в поворотах судьбы есть высший, хоть и не всегда доступный разумению смысл и что для него лично смысл этот связан с творчеством.

Михайловское — центральная точка пушкинского пути. Здесь он углубился в себя, окончательно сделал свой выбор и осознал единственность назначенного ему жребия (этим объясняется, в частности, его решение не ехать в Петербург накануне декабрьского восстания). Здесь он подошел к расцвету своих творческих возможностей и в разгар работы над «Борисом Годуновым» признался в письме Н. Н. Раевскому: «Чувствую, что